

УДК 81'271.2
ББК Ш105.551.12

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

Т. А. Воронцова
Челябинск, Россия

Т. Р. Копылова
Ижевск, Россия

МОЛЧАНИЕ КАК МАРКЕР АГРЕССИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫТОВОГО ОБЩЕНИЯ)

Аннотация. Речевая агрессия является одним из самых частотных предметов исследования современной лингвистики. Благодаря анализу различных дискурсивных практик в коммуникативистике выделены основные релевантные признаки данного вида речевого поведения. Особый интерес представляет реализация речевой агрессии в бытовом общении, где наряду с вербализованной реализацией агрессии выступает молчание. Ситуативность бытового дискурса, вовлеченность участников общения в широкий контекст позволяют максимально полно раскрыть коммуникативный потенциал молчания. Молчание как многомерный коммуникативный знак в процессе речевого взаимодействия может выполнять различные функции. В данном исследовании анализируется молчание как речевой поступок, минимальная единица речевого поведения. Методом лингвистического наблюдения за общением на социально значимых объектах г. Ижевска были выделены диалоги с преобладающим агрессивным типом речевого поведения. Анализ коммуникативного сценария субъекта и объекта речи дает возможность авторам описать молчание как специфический нулевой маркер агрессии, способный решать различные коммуникативные задачи участников общения.

Ключевые слова: бытовое общение; коммуникативное пространство; речевое поведение; речевая агрессия; молчание; речевая деятельность; коммуникативные тактики.

T. A. Vorontsova
Chelyabinsk, Russia

T. R. Kopylova
Izhevsk, Russia

SILENCE AS A MARKER OF AGGRESSIVE SPEECH BEHAVIOR (CASE STUDY OF DAY-TO-DAY COMMUNICATION)

Abstract. Speech aggression is one of the most frequent subjects of modern linguistic research. Due to the analysis of various discursive practices in Communication science the main relevant attributes of this type of speech behavior have been marked out. Implementation of verbal aggression in day-to-day communication is of particular interest, especially where silence fulfils this function along with the verbalized implementation of aggression. Situatedness of day-to-day discourse and involvement of participants in a wide context make it possible to elicit the communicative potential of silence to the utmost. Silence as a multidimensional communicative sign can fulfill various functions in speech interaction. This research analyzes silence as a verbal act, a minimal unit of speech behavior. The method of linguistic observation over communication at socially significant sites of the city of Izhevsk marked out dialogues with a predominantly aggressive type of speech behavior. The communicative scenario analysis of the subject and the object of speech enabled the authors of this article to describe silence as a specific zero aggression marker capable of implementing various communicative tasks of communicators.

Keywords: day-to-day communication; communicative sphere; verbal behavior; verbal aggression; silence; speaking; communicative tactics.

В контексте изучения коммуникации все большую значимость приобретают исследования речевого поведения участников общения [Винокур 1993; Дридзе 1980; Клюев 2002], понимаемого как целенаправленный, мотивированный, преимущественно контролируемый (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) процесс [Воронцова 2006: 29].

Речевое поведение определяет корректность / некорректность, конструктивность / деструктивность коммуникативного взаимодействия.

Речевая агрессия с точки зрения коммуникативно-дискурсивного подхода представляет собой деструктивное речевое поведение, параметры которого определяются условиями и конвенциями конкретного дискурса. В основе агрессивного общения независимо от типа коммуникации лежит установка адресанта на коммуникативное доминирование.

На уровне непосредственного речевого взаимодействия речевая агрессия проявляется в стремлении захватить коммуникативную инициативу, присвоить приоритетное «право на речь», т. е. объектом речевой агрессии является адресат. Адресант при помощи различных смысловых и структурно-смысловых способов осуществляет вторжение в речевое пространство адресата, т. е. стремится навязать собственный сценарий коммуникации, не считаясь с интересами собеседника [Воронцова 2006, 2012].

В современной лингвистике достаточно полно изучены особенности агрессивного речевого поведения в различных дискурсивных практиках [Bandura 1983; Baron, Richardson 1994; Chomsky 1959]. Особый интерес представляет реализация речевой агрессии в бытовом общении. Ситуативность бытового дискурса, вовлеченность участников общения в широкий контекст позволяют макси-

мально полно раскрыть коммуникативный потенциал молчания и его интерпретации [Копылова 2015; Jaworski 1993; Tannen 1990].

Молчание как многомерный коммуникативный знак в процессе речевого взаимодействия может выполнять различные функции [Jensen 1976]. В данном исследовании мы анализировали молчание как речевой поступок, минимальную единицу речевого поведения.

В ходе исследования бытового общения было выявлено, что агрессивное речевое поведение является достаточно частотным (62,7%). Субъект агрессии может быть охарактеризован как: пожилая женщина (58%), женщина с ребенком (9%), мужчина в состоянии алкогольного опьянения (2%), продавцы мелких магазинов (2%), другое (6%). В качестве объекта агрессии чаще всего выступают: младшие по возрасту (32%), посетители бюджетных государственных учреждений (47%), мужчины (11%), другое (10%).

Как правило, речевая агрессия реализуется в вербализованной форме.

Одна из самых частотных тактик – тактика, воздействующая на чувство вины адресанта (*Сил уже нет держать!*). В реализации данной тактики не последнюю роль играет «фактор возраста», выражающийся как имплицитно (*Молодая еще!*; *Что вы молчите, вы же мужчина!*), так и эксплицитно, в частности через сравнение (*вот мы раньше*), апеллирование к фактам жизни субъекта агрессии (*да я на заводе столько лет*), к собственным заслугам в прошлом (*я между прочим ветеран; мне сам директор завода орден вручал; я на стройке больше 40 лет отпахал*). Данная тактика часто сопровождается тактикой обезличивания обвиняемого, направленного даже не на понижение его статуса, а на вычеркивание объекта агрессии из коммуникативного взаимодействия, лишение его права голоса (*Ишь-ты, молодая еще мнение иметь / я в твои годы глаза боялась поднять*). Коммуникативная цель в данном случае достигается и путем привлечения третьих лиц, увеличения числа участников конфликта, опосредованное обращение в 3-ем лице (он-дейксис). На языковом уровне реализации тактик отметим употребление оценочной лексики (*барыня, безобразия, обнаглели, возмутительно* и др.), риторические вопросы и восклицания (*Что за порядки тут у вас?*) и др.

В целом, поведение субъекта агрессии характеризуется нарушением конвенциональности диалогов, неупорядоченным выбором языковых средств (просторечная, грубо-просторечная, бранная лексика), употреблением оценочной лексики, прямых средств воздействия, таких как императив (*не ори, не ной, иди нормально, замолчи*), глаголы прошедшего времени и инфинитива в роли императива (*рот закрыл, замолчал уже, быстро пошел; встать, тут не стоять*), глаголов настоящего времени, чаще отрицательных в 3-ем лице (*не думает*), прошедшего времени (*расселся тут, расставила (о сумках)*), а также сравнительных конструкций (*С Сашкой никаких проблем не было, а этот; Другая бы давно прощения попросила*), вопросительных предложений (*И что здесь смешного?*). Особую

роль играют и личные местоимения, актуализирующие ту или иную эмоцию адресанта, чаще угрозу через апеллирование к авторитету:

(1) *Ты со МНОИИ таким тоном разговариваешь?*

Маркером агрессивного общения является и обращение по половому признаку: *мужчина, женщина, девушка*. В современном русском речевом этикете культура обращения находится на стадии формирования. Часто функцию обращения выполняют конструкции, изначально призванные обратить внимание собеседника на говорящего (*Извините, ...; Прошу прощения, ...*), слова приветствия (*Здравствуйте!, Добрый день!*). Обращение по половому признаку усиливает воздействие субъекта агрессии, особенно когда употребляется вместе с другими средствами, например вопросом:

(2) (В поликлинике) Уборщица – пациентке: *Женщина! // Женщина! // Не слышите, что ли? // Я Вам говорю! // Не видите / чисто! // Куда без бахил? //*

(3) (В трамвае) Кондуктор – мужчине, смотрящему в окно: *Мужчина! // Вам-Вам! // Платить будем? //*

В примере (3) функционирование глагола в форме 1 лица множественного числа подчеркивает иерархичность общения, объектность адресата; это форма, употребление которой более присуще власти наделяемым, указывает на зависимость адресата от адресанта (ср., следователь – заключенному: *Ну что, говорить будем?*; служащий ГИБДД – водителю: *Нарушаем?*; врач – больному: *На что жалуетесь?*).

Обращение по иным признакам также частотно; оно направлено на принижение значимости собеседника, вызывает у адресата чувство ущербности.

(4) (В больнице, в регистратуре) Медработник – пациенту: *Больной! // Сюда не входите! // Ждите у стойки! //*

Отметим функционирование в роли обращения обобщенной номинации: *молодежь, женщины, больные, люди*.

(5) (В трамвае) Пожилая женщина – подросткам: *Ну что / молодежь / уступите место? //*

(6) (В больнице) Медработник – пациентам: *Женщины! // Тут не стоять! // Ходить мешаете! //*

Помимо «фактора возраста», влияющего на выбор адресанта в пользу стратегий агрессивного речевого поведения, релевантным становится и «фактор пола», позволяющему слабому полу (женщине) направлять агрессию на сильный (мужчину).

(7) (В транспорте) *Мужчина! // Помогите! // Не видите / что ли / женщина коляску не может поднять //* (обращение к соседке) *Мужики пошли! //*

Субъект агрессии оказывает воздействие и с помощью **нулевого маркера — молчания**, реализующего различные тактики агрессивного поведения:

– игнорирования

(8) Диалог на улице, во дворе дома. Участники: мать (А), ребенок лет 9 (Б); мать молча, дергая за руку, ведет сына домой.

(Б) *Мам / ну давай я немного погуляю //*

(А) [...]

(Б) *Мам / ну все же гуляют. А ты / как всегда [...] //*

(А) [...]

(Б) *Я немного [...] // Мам! //*

(А) (дергает за руку) *Домой / я сказала! //*
Опять ныть начал! // Вот придем домой! //

– демонстрация обиды

(9) Диалог на остановке общественного транспорта. *Участники:* молодая пара — мужчина (А), женщина (Б).

(А) *В магазин зайдём? //*

(Б) *[...]*

(А) *Вроде дома хлеб закончился //*

(Б) *[...]*

(А) *Лен / ну хватит уже! // Сколько можно? //*

(Б) *[...]*

(А) *Б...ь! // [...]*

– лишение права на речь

(10) Диалог на улице. *Участники:* пожилая женщина с внуком (А), пожилая женщина (Б), мальчик лет 7 (В). Женщины оживлённо разговаривают друг с другом.

(В) *Баб / ну пойдём уже! //*

(А) *Подожди / сейчас //* (продолжает разговаривать)

(В) *Я есть хочу! // Баб! //*

(А) *Не перебивай старших / Сейчас! //* (продолжает обсуждение)

(В) (Спустя несколько минут) *Баб! //*

(А) *[...]* (молчание сопровождается строгим осуждающим взглядом).

(В) *[...]*

Однако в структуре агрессивного коммуникативного акта молчание чаще всего выполняет роль ответной реакции — так называемое ответное молчание. Причем, следует отличать молчание интенциональное, молчание как сознательный выбор объекта агрессии (См., например, диалог 11), и принудительное молчание, молчание, к которому принуждает адресанта агрессивное поведение адресата.

(11) Диалог в супермаркете «Вкусный дом», касса. *Участники:* покупатель, стоящие в очереди из 3-х человек. Женщина средних лет, первая в очереди, поставила на кассовую ленту корзину с продуктами (А). Пожилая женщина (Б). Мужчина средних лет (В). Кассир, выкладывая продукты из корзины первой женщины (Г), оценивает, складывает в пакет.

(Б): *Ох, расставила тут корзину свою / поставить некуда / сил нет уже держать //*

(А): *[...]*

(Б): *Молчит / как будто не слышит //*

(А): *[...]*

(Б): *Нет, вы посмотрите на нее / никакого уважения! //*

(А): *[...]*

(Б): *Могла бы сама продукты свои в пакет складывать / ведь видит, люди ждут // Барыня! // Вот мы раньше [...] // Да я на заводе столько лет! // И детей сама // (кассиру) Что за порядки тут у вас? //*

(Г): *[...]* (продолжает спокойно складывать продукты в пакет)

(Б): (оборачивает к мужчине) *Безобразия! //*

(В): *[...]*

(А): (расплачивается, забирает пакет, уходит)

(Г): (вежливо, безучастно) *Здравствуйте! //*
Пакет брать будете? //

Принудительное молчание является результатом достижения коммуникативной цели субъекта агрессии, обуславливающей выбор стратегий, направленных, прежде всего, на лишение права голоса адресата (*Чего ты там еще говоришь?; Чего-чего? Что ты сказал?; Рот закрой!; С тобой никто не разговаривает; Заткнись!* и тому подобное), на вычеркивание его из процесса коммуникации (*Вас, мужчина, не спрашивают!; Тебя забыли спросить!; А с тобой вообще никто не разговаривает!; Я не с тобой разговариваю!* и другое). Чаще всего молчание является вынужденным ответом на агрессию, вербализованную с помощью прямых средств воздействия: императивов, вопросительных предложений, усиливающих эффект с помощью повтора вопросительного слова, повествовательных предложений-констативов. Молчание-ответ может быть и следствием молчания как нулевого маркера агрессии.

Принудительное молчание характеризуется тем, что адресант начинает реализовывать коммуникативный сценарий субъекта агрессии, он лишается права на выбор коммуникативных действий согласно собственным стратегиям, он действует в пользу агрессора. Коммуникативное поведение адресата — это результат достижения цели адресанта: он *замолкает, не вмешивается, уступает место, уходит из очереди, не беспокоит* и т.д.

Принудительный характер молчания подчеркивают невербальные средства коммуникации: адресат может *смутиться, покраснеть, пойти пятнами*; у него могут *появиться слезы, задрожать руки*; адресат может начать *суетиться* и тому подобное. Такое молчание сопровождается повышенным негативным эмоциональным фоном — обидой, отчаянием, бессилием. Вместе с утратой контроля за своим речевым поведением адресат часто теряет контроль и за своими невербальными действиями:

(12) Диалог в общественном транспорте. *Участники:* женщина (А) сидит, женщина (Б) держится за поручень около сидящей пассажирки, в руках тяжелые сумки. В салоне очень много народу. Женщину с сумками постоянно толкают на сидящую женщину.

(А) *Осторожно! // Вы уже вообще свои сумки на меня положили! //*

(Б) *[...]* (старается убрать сумки подальше)

(А) *Женщина! // Вы мне все ноги обступали! //*
Осторожно! //

(Б) *[...]* (краснеет, смущается, оглядывается по сторонам в поиске свободного места).

Автобус резко останавливается. Женщина под напором толпы буквально ложится на сидящую пассажирку.

(А) *[...]* (недовольно морщится, демонстративно подвигается, отряхивает пальто, поджимает губы).

(Б) *[...]* (смущается еще больше, суежливо перекладывает сумки из одной руки в другую, максимально отодвигается от сидящей пассажирки, растерянно оглядывается, руки дрожат).

Бытовое общение может носить как иерархичный, так и неиерархичный характер. Иерархия обусловлена возрастом коммуникантов, статусом в семье (старший — младший, родитель — ребенок).

Неофициальность общения отличается неупорядоченным выбором средств воздействия: негативная оценочная лексика, просторечная, грубая, бранная лексика; невербальные жесты угрозы, жесты, указывающие на неполноценность собеседника (постучать по виску); физические средства воздействия.

(13) Диалог в супермаркете. *Участники*: мать (А), ребенок (Б).

(Б): *Мам / ну купи киндер / ты вчера Лешке купила // Ну мам! //*

(А): [...]

(Б): *Ну купи! //*

(А): [...]

(Б): (вначале хнычет, затем ревет в голос)

(А): (дергает за руку, шлепает) *Достал ты уже меня! //*

Молчание в подобных диалогах, как правило, выполняет функцию игнорирования как собеседника, так и предмета речи, сопровождается жестами угрозы или физическими средствами.

(14) Диалог на улице. *Участники*: мальчик лет 14 (А), девочка лет 7 (Б).

(Б) [...] (шлепает по лужам)

(А) [...] (дергает за руку)

(Б) [...] (продолжает шлепать по лужам)

(А) [...] (остановилась, крутит у виска пальцем)

Ты че / дура совсем? //

Интересно, что иерархия в межличностном неофициальном общении не всегда направлена от старшего к младшему. Объектом агрессии становятся слабые. Иерархичность может быть обусловлена силой, способностью, независимостью, например, экономической.

(15) Диалог в больнице. *Участники*: пожилая женщина, больная, пришла на прием к врачу (А), молодой человек, сопровождающий (Б):

(Б) *Что ты возишься? // Быстрее не можешь? // (забирает сумку) Дай сюда! //*

(А) (заискивающе) *Мы карту не взяли //*

(Б) (в раздражении) [...]

(А) (останавливается) *Карту же надо! // Врач не примет! //*

(Б) *Да блин! // Говорил же уже! // Карта в кабинете! //*

(А) [...] (недоверчиво идет за молодым человеком)

Неиерархичное бытовое общение отличается достаточно свободным выбором маркеров агрессии, однако экстралингвистические средства могут снижать уровень агрессии, свести ее на уровень шутки.

(16) Диалог в транспорте. *Участники*: молодая женщина (А) разговаривает со своей приятельницей (Б).

(А) *Ну че / мясо купишь? // А то у меня работы привалило //*

(Б) (сжав губы в ухмылке, мотает головой) *А ты не притупхла уже? // Все время я //*

(А) (смеется) *Да ладно тебе //*

Молчание в подобном рода взаимодействии может указывать на обиду, на желание уйти от неприятного разговора.

(17) Диалог на остановке. *Участники*: муж (А), жена (Б).

(А) *Терпеть не могу твою Лариску! // Че-то все ходит / ходит // Совсем бабе делать нечего! // А ты (передразнивает) / Ларисочка / Ларисочка //*

(Б) (отворачивается) [...]

(А) *Че молчишь? // Скажешь / я не прав? //*

(Б) (глядя в одну точку) [...]

(А) (демонстративно отворачивается) [...]

(Б) *В воскресенье на дачу-то поедет? // Вроде хорошую погоду обещали //*

При всей многофункциональности молчания в структуре агрессивного речевого поведения уход от конфликтной ситуации – самая частотная стратегия данного коммуникативного хода. Из 270 зафиксированных диалогов явно следует, что ответ агрессией на агрессию наименее характерен для бытового общения и составляет всего 2,6%, молчанием же отвечает 74% наблюдаемых.

Таким образом, молчание как речевой поступок, как минимальная единица коммуникативного взаимодействия способно выполнять множество функций, обусловленных тем, чьи стратегии реализует данный нулевой маркер – адресанта либо адресата. Посредством молчания объект агрессии способен лишать права на речь, игнорировать, принижать ценность собеседника, вызывать чувство обиды и др., вплоть до принуждения адресата выполнять его коммуникативную цель в ущерб собственной. Объект же агрессии через молчание уходит от конфликтной ситуации, от неприятного разговора, пытается сохранить свое коммуникативное пространство от несанкционированного вторжения.

Бытовое общение, как и другие дискурсивные практики, позволяет молчанию максимально раскрыть свой богатый коммуникативный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993. — 172 с.
- Воронцова Т. А.* Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. — Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. — 252 с.
- Воронцова Т. А.* Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. — С. 569-611.
- Демьянков В. З.* Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи // Структура и анализ. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. — С. 41-46.
- Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. — М.: Высшая школа, 1980. — 240 с.
- Клюев Е. В.* Речевая коммуникация. — М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. — 230 с.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. — М.: Смысл, 1999. — 365 с.
- Копылова Т. П.* Молчание как знак: проблемы интерпретации // Trends in Slavic Studies. — М.: УРПС, 2014. — С. 721-727.
- Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
- Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. — М.: Рефлбук; К.: Ваклер, 2001.
- Bandura A.* Psychological Mechanism of Aggression // Aggression: Theoretical and Empirical Reviews. — New York: Academic Press, 1983. — Vol. 1. — P. 1-40.
- Baron R. A., Richardson D. R.* Human aggression. — New York: Plenum, 1994. — 245 p.
- Chomsky N.* A review of Skinner's verbal behavior // Language. — 1959. — № 35. — P. 26-58.

Infante D. A., Rancer A. S. Argumentativeness and Verbal Aggression // A Review of Recent Theory and Research. In: Communication Yearbook. — 1996. — № 19. — P. 319-351.

Jaworski A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives. — Newbury Park, CA: Sage, 1993. — 191 p.

Jensen J. V. Communicative Functions of Silence // Communication: Concepts and Processes. — Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976. — P. 124-132.

REFERENCES

Vinokur T. G. Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya. — M.: Nauka, 1993. — 172 s.

Vorontsova T. A. Rechevaya agressiya: vtorzhenie v kommunikativnoe prostranstvo. — Izhevsk: Izdatel'skiy dom «Udmurtskiy universitet», 2006. — 252 s.

Vorontsova T. A. Rechevaya agressiya, tolerantnost', vezhlivost' // Yazyk SMI i politika. — M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2012. — S. 569-611.

Dem'yankov V. Z. Namerenie v interpretatsii i interpretatsiya namereniy v rechi // Struktura i analiz. — M.: Int yazykoznanie AN SSSR, 1989. — S. 41-46.

Dridze T. M. Yazyk i sotsial'naya psikhologiya. — M.: Vysshaya shkola, 1980. — 240 s.

Klyuev E. V. Rechevaya kommunikatsiya. — M.: RIPOL KLASSIK, 2002. — 230 s.

Leont'ev A. A. Psikhologiya obshcheniya. — M.: Smysl, 1999. — 365 s.

Kopylova T. R. Molchanie kak znak: problemy interpretatsii // Trends in Slavic Studies. — M.: URRS, 2014. — S. 721-727.

Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. — M.: ITDGK «Gnozis», 2003. — 280 s.

Pochepstov G. G. Teoriya kommunikatsii. — M.: Refbuk; K.: Vakler, 2001.

Bandura A. Psychological Mechanism of Aggression // Aggression: Theoretical and Empirical Reviews. — New York: Academic Press, 1983. — Vol. 1. — P. 1-40.

Baron R. A., Richardson D. R. Human aggression. — New York: Plenum, 1994. — 245 p.

Chomsky N. A review of Skinner's verbal behavior // Language. — 1959. — № 35. — P. 26-58.

Infante D. A., Rancer A. S. Argumentativeness and Verbal Aggression // A Review of Recent Theory and Research. In: Communication Yearbook. — 1996. — № 19. — P. 319-351.

Jaworski A. The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives. — Newbury Park, CA: Sage, 1993. — 191 p.

Jensen J. V. Communicative Functions of Silence // Communication: Concepts and Processes. — Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1976. — P. 124-132.

Данные об авторах

Татьяна Александровна Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет (Челябинск).

Адрес: 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: voron500@yandex.ru.

Татьяна Рудольфовна Копылова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: k_tatiana4@mail.ru.

About the authors

Tatiana Alexandrovna Vorontsova, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk).

Tatiana Rudolfovna Kopylova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, theoretical and Applied Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk).